

Константин Станюкович

«Отчаянный»

Константин Михайлович Станюкович
«Отчаянный»
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165672

К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Юнацтва; Минск; 1981

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Константин Михайлович Станюкович «ОТЧАЯННЫЙ»

I

На Транзундском рейде, где практическая эскадра Балтийского флота простаивает большую часть короткого лета, стоял броненосный корабль «Грозящий» под флагом младшего флагмана, контр-адмирала почтенных лет, который «выплаывал» свой ценз на старшего флагмана и чин вице-адмирала.

Был первый час пасмурного и прохладного дня в конце июня. Матросы только что отобедали – на судах эскадры. Боцманы просвистали и выкрикнули:

– Команда, отдыхать!

Минут через пять боцман «Грозящего» Жданов отхлебывал чай, попыхивая папироской, в своей маленькой каютке на кубрике, чистой и убранной не без претензии на щегольство.

Фотографии высокопоставленных особ, отца Иоанна Кронштадтского и командира «Грозящего» в красивых выпиленных рамках, сделанных одним матросом за «спасибо»

боцмана, были развешаны в соответствующем порядке на переборке против койки, аккуратно покрытой серым байковым одеялом, с двумя взбитыми подушками в белых наволоках в изголовье.

А над койкой, на дешевом ковре, красовался в голубой рамке с нарисованными незабудками фотографический кабинетный портрет молодой женщины с миловидным лицом и топорной фигурой, с растопыренными пальцами непомерно больших рук, выставленных, несомненно, ради колец, с брошкой на короткой шее и с серьгами в ушах.

Нечего и говорить, что эта дама в нарядном платье и в шляпке с перьями была супругой боцмана Жданова.

Он ничем не напоминал боцманов старого времени, этих смелых моряков, свершавших геройские поступки, не догадываясь о своем геройстве, отчаянных ругателей, бесшабашных пьяниц на берегу и огрубелых, но не злых, которые не чуждались таких же бесправных матросов, как они сами, и, разумеется, считали их товарищами я кляузы по начальству считали делом, недостойным боцмана.

К тому же и знали, что матросский линч усмирит боцмана, коли он несправедливый и зверствует в «бое».

Жданов – боцман новых времен и, разумеется, несравненно культурнее. Это был молодой человек лет тридцати, невысокого роста, плотный, склонный к полноте, франтовато одетый, понимающий обращение и не говорящий грубым голосом «луженной глотки», с большими круглыми глазами,

усердными и решительными, рыжий, с веснушчатым белым румяным лицом, серьезным и самодовольным, выстриженный под гребенку и с небольшой подстриженной огненной бородой. На безымянном пальце опрятной руки – золотое обручальное кольцо, и на мизинце – перстень с бирюзой.

Разумеется, он не пил ни водки, ни вина. Иногда только баловался бутылкой пива. И без усталости не сквернословил как виртуоз, а ругался тихо, внушительно и кратко.

Тщеславный и самодовольный, он, казалось, весь был проникнут сознанием своего достоинства и держал себя в отчуждении от матросов, чтобы не уронить престижа власти, связавшись с необразованной и грубой матросней, которая могла бы забыться перед боцманом и притом человеком других понятий. Недаром же он получал газету «Свет», почитывал книжки и считал себя очень умным и проницательным боцманом, который устроит благополучие своей жизни.

С матросами он обращался с внушительной строгостью и был беспощаден, особенно с провинившимися перед дисциплиной, и противоречий не допускал. Зато с офицерами был почтителен до искательности.

Морскую службу Жданов не любил. Особенно не любил и трусил моря, когда оно начинало рокотать и вздувалось большими волнами, но был безукоризненный исполнитель и усердный боцман, щеголявший своим педантизмом и безупречным поведением в глазах начальства.

И Жданов, пользуясь своим положением, не разбирал

средств в приобретении. За шесть лет службы он скопил деньжонки. Прижимистый и оборотистый, он рассчитывал заняться каким-нибудь торговым делом, когда выйдет в запас.

Матросы боялись и не любили высокомерного и несправедливого боцмана, но он не обращал на это внимания. Жданов был уверен, что капитан и старший офицер ценят и одобряют строгого боцмана. Да и матросы не смели бы жаловаться на него. Они были надежные, да и он их держал в строгом повиновении.

Один только матрос, первую кампанию служивший на «Грозящем», обращал на себя беспокойное и озлобленное внимание боцмана.

«Совсем отчаянный!» – думал Жданов.

Он, разумеется, знал, что во время отдыха команды не имел права без особенной нужды беспокоить матросов, но потребовал Отчаянного.

II

Когда молодой худощавый чернявый матрос маленького роста вошел в боцманскую каюту и без всякого страха остановился у двери, боцман уже начинал беспокойно злиться.

Он медленно допивал стакан, умышленно не обращая внимания на матроса.

И, наконец, подняв на него злой неподвижный взгляд и понижая голос, значительно и медленно проговорил:

– Митюшин!

– Есть!

– Догадался, по какой причине боцман тебя потребовал?

– Я недогадливый! – ответил Митюшин.

Матрос не назвал боцмана Иваном Артемьевичем. Не вытянувшись перед ним, он стоял в непринужденной позе. Его смуглое с тонкими чертами лицо, обыкновенно подвижное, словно бы застыло в серьезном и строгом выражении. В сдержанном официальном тоне мягкого тона голоса как будто звучала ироническая нотка, и в быстрых острых черных глазах Митюшина мелькнула насмешливая улыбка и исчезла.

«Ишь, как стоит перед боцманом!» – подумал Жданов.

И, сдерживая гнев, самолюбиво покраснел и сказал:

– Так догадайся!

– Насчет чего?

– Хотя бы насчет того, что я насквозь вижу человека и

могу его понять.

Митюшин молчал, словно бы поддразнивая боцмана.

– Сообразил?

– Видно, не сообразил!

– А еще много воображаешь о себе! – презрительно кинул

Жданов.

Митюшин не возражал. Только глаза улыбнулись, верхняя тонкая губа в углу рта подергивалась, и лицо приняло вызывающее и слегка надменное выражение.

Боцман чувствовал едва скрываемое пренебрежение к себе матроса. С каким наслаждением искровянил бы он эту дерзкую рожу! Но Жданов трусил Отчаянного. От него всего можно ожидать.

Изнывая в злобе и едва сдерживаясь, боцман еще медленнее пытал Митюшина, процедив с угрозой в скрипучем своем голосе:

– Как бы не вышло с тобой серьезных неприятностей!

Митюшин словно бы нарочно зевнул, с видом человека, которого не пугают угрозы боцмана, а только наводят скуку, и равнодушно спросил:

– Какие еще неприятности?

– Дурака не строй... Не дерзничай... Ты с кем говоришь?

– С боцманом.

– Так смотри же у меня! – грозно крикнул Жданов, начиная терять самообладание.

– Что мне смотреть?

– Я тебе покажу, какие боцмана!

– Что показывать? Видел, какие из вас боцмана... А службу я сполняю как следует и закон понимаю.

– По-ни-ма-ешь? – выговорил разделено боцман багровея.

– Очень даже понимаю! – вызывающе бросил матрос.

Жданов вскочил, словно ужаленный, с табуретки и задышающимся злобным голосом проговорил:

– Разве не знаю, какой ты отчаянный матрос и какие твои незаконные мысли?.. О каких ты правах толкуешь матросам и перед ними куражишься?.. «Я, мол, все понимаю и ничего не боюсь, а вы, мол, терпите беспрекословно...» Знаю, какой ты пересмешник выискался и смехом порочишь начальство, которое почитать обязан по присяге. Так я с тебя этот форс собою. Поставлю в дисциплину на линию. В штрафные не долго перевести, хоть ты и первой статьи матрос. А тогда и по закону будут тебя пороть, умника. А прежде и без закона отполируют, как доложу, какой ты есть паршивая овца. Узнаешь, как бунтовать и команду мутить...

Матрос вспылел и с заблестевшими злым огоньком глазами взволнованно проговорил:

– Что ж! Доноси по начальству... Ври!... Я найду свои права!

– Молчать перед боцманом!..

– Я слушал твои умные речи. Послушай и мои! – решительно и возбужденно заговорил Митюшин. – Мы ведь с гла-

зу на глаз. Может, и не слышал от людей, какой ты бесстыжий и какой взяточник, боцман... Доноси, господин боцман... Пусть меня отдадут под суд, с моим удовольствием... Не сдрейфлю! Быть может, правда всплывет, как ты с матросов деньги берешь да на себя заставляешь их работать. Кто стул, кто обшить, кто сапог, кто тебе вместо вестового... Драть-ся прав нет, а вы, сволочь, боцмана да унтерцеры, зубы вы-биваете... Знаете, что боятся жаловаться, так вы тиранствуете?! И как бы деньгами где пожить... Это тебе вместо бога... Бог-то только на языке, а в душе один рупь целковый да беззаконие! И как я ежели говорю, что на закон плюют и совесть забыли, – так я, по твоему воображению, бунтовщик? Ежели понимаю, что неправдой живете, так это бунт?! Свой же брат, такой же подневольный мужик был, а грозит в штрафные да пороть... Полагаешь – испугать и на линию поставить. Умник. Насквозь человека видишь, а не видишь, что не всякий свинья и за грош душу не продаст. Да и старшему офицеру, видно, не в догадку, какой ты во всей форме мерзавец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.